

ПУБЛИЦИСТИКА

П.С. Гуревич

ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ. К 90-летию появления книги Н.А. Бердяева «Философия неравенства»

Аннотация. В обширном философском наследии Н.А. Бердяева «Философия неравенства» занимает особое место. Она, как и другие работы русского мыслителя, энциклопедична. Здесь дана характеристика различных общественно-политических течений современности, освещены ключевые проблемы социальной философии — демократия, свобода, революция, культура, нация... Однако широта теоретического замысла соединена в этой работе с полемической, порою памфлетной и проповеднической интонацией. Книга одухотворена выстраданной идеей отвержения социальной революции как средства решения общественных проблем. Это, по существу, опыт философского предостережения, уроки которого сегодня столь очевидны.

Ключевые слова: педагогика, философия, предостережение, революция, пророчество, равенство, неравенство, бытие, социальное познание, консерватизм.

Философские произведения одного из самых глубоких и оригинальных мыслителей XX столетия Н.А. Бердяева (1874–1948) стали доступны отечественному читателю. Вышел в свет том, в который включены «Философия свободы» и «Смысл творчества»¹. Отдельной книгой выпущена работа «Истоки и смысл русского коммунизма»². В сборнике «О России и русской философской культуре» помещена бердяевская «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века»³. Можно назвать и другие книги, публикации⁴.

Книга «Философия неравенства» написана в 1923 году, уже после Октября. Сам философ, вместе с другими представителями дореволюционной русской интеллигенции, оказался в эмиграции. Исходя из этого, работу стоит оценивать лишь как послесловие к грозным событиям. И тем не менее, перечитывая ее, постоянно ловишь себя на мысли о том, что она является философским провозвестием, остережением, глубиной и масштабы

которых можно постичь только сейчас, в начале другого столетия. В основе книги — продуманное целостное мировоззрение, имеющее глубинные философские корни.

Близкая к современным мировоззренческим дискуссиям, словно бы предвосхищавшая их, работа Н.А. Бердяева до последнего времени, разумеется, не могла увидеть свет у нас. Книга, в которой ядовито поминается «ваш Маркс», где раскрываются «гнилостные и разрушительные процессы» революции, повествуется о «бушующей черни, громящей величайшие святыни и ценности», могла однозначно восприниматься как вражеская. Между тем время расставило все на свои места. Теперь, когда изменилась вся социальная оптика, через которую оцениваются события, по-иному воспринимается и пророческое слово Н.А. Бердяева.

В отличие от многих других произведений Н.А. Бердяева «Философия неравенства» не содержит в своей основе четко прослеживаемой структуры, последовательно развертываемого плана изложения. Читатель, несомненно, обратил внимание на смысловые повторы, на многократное возвращение к одним и тем же именам (Я. Бёме, И. Экхарт, Ж. де Местр, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров). Общий тип размышления в книге — лейтмотивный: одна и та же тема как бы возрождается, обрастая новыми сюжетами. Но каждый раз она оказывается обновленной, обогащенной, обретает неповторимые нюансы. Каждое из четырнадцати писем, составляющих книгу, имеет по существу, самостоя-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

³ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.

⁴ Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 1989.

тельное значение. Каждое письмо, посвящено одной теме. Все же они в совокупности создают широкую панораму социально-философской мысли. Здесь и обращение к истокам философии, и величественный религиозно-христианский фон, и разностороннее теоретическое знание о социальных процессах, почерпнутое из разных мировоззренческих традиций и существенно переосмысленное, и злоба дня.

Вроде бы можно перегруппировать письма в любой последовательности. Такие темы, как государство, демократия, представляются более фундаментальными, нежели, допустим, характеристика аристократии. Философский экскурс о культуре, который едва ли не венчает книгу, кажется более значительным и обобщающим, чем оценка различных современных идейно-политических течений. О войне говорится в работе раньше, чем о Царстве Божием...

Перед нами не академическое исследование, основанное на последовательной рубрикации тем и проблем. Логика, определяющая расположение материала, здесь, во многом продиктована, полемическими целями. И повод для того, чтобы начать изложение философии неравенства весьма конкретный — русская революция с ее лозунгами уравнилительной справедливости. С нее начинается философская рефлексия, ибо она, по мнению автора, воплощает в себе философию равенства. В первых строчках книги Н.А. Бердяев называет в числе своих главных недругов тех, кто отступился в духе своем от Христа. Он и обращается, в конечном счете, к теме Царства Божия, подчеркивая, что все утопии земного блаженства, земного совершенства, окончательного торжества правды на земле находятся в непримиримом противоречии с христианскими пророчествами.

В книге, как представляется, есть скрытый план исследования, который не развернут последовательно, но может быть легко реконструирован. Логика книги такова, что Н.А. Бердяев прежде всего обращает нас к проблемам бытия. Обычно политическая философия имеет дело с теми реальностями, которые уже сложились, окружают нас и воздействуют на наше поведение и образ мысли. Она далеко не всегда обращается к предельным вопросам бытия, чтобы обосновать непосредственные жизненные и практические установки. Каков мир сам по себе? В чем смысл человеческого существования? Можно ли говорить о цели истории? Эти бытийственные, онтологические проблемы в лучшем случае подразумеваются, а чаще всего попросту игнорируются в контексте более

актуальных и ближайших интересов различных общественных сил. Редкое социологическое или политическое исследование начинается с анализа этих мировоззренческих оснований.

По существу, Н.А. Бердяев призывает проникнуть в ядро самого существования мира прежде чем размышлять о социальных или антропологических вопросах. «Существует ли иерархия внутри самого бытия?», — над этим задумывается философ. Если ответ однозначно положительный, то это откровение нельзя упускать из виду при рассмотрении конкретных проблем общественного миропорядка. Всякий другой подход чреват противостоянием бытия. Вот почему онтология, то есть наука о бытии, занимает в книге Н.А. Бердяева столь существенное место.

«Мышление не может быть отделено от универсального бытия, — пишет Н.А. Бердяев в «Философии свободы», — и противоположно ему: познание не может быть отделено от универсальной жизни и противопоставлено ей. Мышление есть плоть от плоти и кровь от крови универсального бытия, познание есть плоть от плоти и кровь от крови универсальной жизни»⁵. Бытию, по мнению философа, принадлежит изначальный примат.

Само собой разумеется, что Н.А. Бердяев не понимает бытие как некую абстракцию, противостоящую сознанию. Нет бытия без рефлексии. Но в отвлеченном, оторванном, умерщвленном мышлении, претендующем на полную самостоятельность и верховенство, по мнению философа, ничего нельзя найти, кроме пустоты, бессодержательных форм: там нет жизни, нет бытия. Новая философия может быть лишь воссоединением мышления с живыми корнями бытия, лишь превращением мышления в функцию живого целого.

Не учение о бытии, а само бытие, — как подчеркивает Н.А. Бердяев, — предшествует учению о познании. В бытии, а не в мышлении, оторванном от бытия, должно искать твердых основ знания. Онтологическая гносеология, как ее понимает Н.А. Бердяев, — исходит из того, что нам дано нечто, дано до всякой рациональной рефлексии, до самопогружения и объективирования, до самого разделения на субъект и объект. Отсюда призыв, чтобы гносеология стала сознательно-онтологической.

Другая особенность социального мышления Н.А. Бердяева в допущении тайны, без которого невозможно социальное познание. Позитивистская

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 69.

традиция предполагает, что все общественные проблемы могут быть раскрыты без иррационального остатка, доведены до предельной ясности. Н.А. Бердяев, напротив, убежден в том, что социальный процесс неразложим на слагаемые. Тайна бытия бережет себя. Он, например, пишет: «Как слабы и беспомощны все ваши рационалистические теории государства. В XVIII в. вы хотели рационально объяснить природу государства теорией общественного договора, в XIX в. вы пробовали объяснить ее из борьбы классов и факторов экономических. Но все, все объяснения, старые и новые, наталкиваются на какой-то рационально неразложимый остаток, на непостижимую тайну власти. В государстве есть мистическая основа, и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению»⁶.

С этой позиции Н.А. Бердяев подходит к оценке социологии как теории социальных процессов. По его мнению, она заменила собой теологию и поэтому стала евангелием «передовых» людей века. Такое социологическое мышление оторвало теоретиков от жизни космической. Они, говоря словами философа, выпали из божественного миропорядка. Отвлеченный социологизм одинаково противоположен и конкретному космизму и конкретному историзму...

Обманчивый социальный покров бытия подменил у социологов господствующей позитивистской ориентации само бытие. Между тем тысячи нитей связывают «человеческую общественность», затерянную на небольшой точке необъятного мирового целого, с жизнью великого космоса, Божьего мира. Утрата этих корней неотвратимо порождает рационалистичность и утопичность мышления. Социологическое знание улавливает лишь ограниченную промежуточную сферу, поддающуюся рационализации.

Какие красноречивейшие иллюстрации подготовил нам XX в., выдав нескончаемый поток примитивных общественных проектов, авторы которых, если воспользоваться словами Н.А. Бердяева, все превратили в призрак и мираж, в быстротечную и обманчивую игру человеческих страстей и интересов. Здесь и технократическая социальная инженерия, и скороспелая перековка истории, и сотворение нового человека. Общественная динамика вынесла на поверхность жизни множество непредвиденных

следствий, бесконечных бумеранговых эффектов, породила массовый страх перед историческими экспериментами, которые оборачиваются катастрофами, перед зловещими прогнозами, которые неотвратимо воплощаются в реальность.

В современной публицистике родилась парадоксальная и пугающая мысль: одно из социалистических завоеваний состоит в том, что мы указали другим народам, каким путем не следует идти... Какой горький изгиб мысли! Неужели одного остережения мало и надо непременно испить горькую чашу до самого дна? У Гёте сказано: «Свободен первый шаг, но мы рабы другого». Социологи, о которых пишет Н.А. Бердяев, презрели и эту истину. Они так и не уразумели, что общественная акция, рожденная одним энтузиазмом и не соотнесенная с мерками бытия, создает безвыходные ситуации, порождая экспансию хаоса.

Да, за первым как будто бы свободным шагом следует череда других, уже вынужденных, принудительных. А гордыня социальных инженеров, апеллирующих к последнему слову науки, нередко оборачивается социальными катаклизмами. Воистину, по слову Н.А. Бердяева, рационалисты-утописты, одержимые рассудочным безумием, не научились урокам истории, не постигли смысла ниспосланных исторических испытаний.

И по сию пору социальные прожектеры, воспитанные в традициях отвержения церковных, государственных, национальных, культурных и других реальностей, видят в общественном процессе некие отвлеченные структуры, которые как будто легко поддаются лепке или перестановке. Общество понимается атомистически: мыслятся некие односторонние зависимости, которые однозначно ведут к желаемому эффекту. Нужны ли примеры? Усилим законотворчество, дозволим демократию, повысим цены — и история покатится в нужном направлении. Но не арифметика и не алгебра определяют общественную жизнь. Здесь, по мысли Н.А. Бердяева, постоянно нужны взгляд на глубинные истоки бытия, вдумчиво-обостренное внимание к тем феноменам, которые ускользают от человеческого разума. Иначе неизбежен «погром бытия», о котором и пишет философ.

Но можно ли раскрыть понятие бытия в конкретном философском значении? Поддается ли расшифровке это «ничто», тяготеющее к тому, чтобы превратиться в «нечто»? Н.А. Бердяев видит первоисток бытия в безначальной и безосновной свободе. Он отмечает в своей работе, что уже старым германским мистикам открывалась истина о тёмном

⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. Письмо 3. О государстве. С. 75.

источнике бытия, о бездне, лежащей в его основе. Величайший из них Я. Бёме учил о безначальности, которая глубже Бога. Божественный свет загорается в бездонной тьме. Эта темная бездна не может даже быть названа бытием, она лежит под всяким бытием, к ней неприменимы никакие категории и никакие определения. Темные волны, по словам Н.А. Бердяева, приливают из бездны и бушующий хаос должен побеждаться в мире и человеке, чтобы образ человека и образ космоса не захлестнулись и не погибли...

Исходя из этих философских посылок, Н.А. Бердяев надстраивает над хаосом специфическое знание об истории. По его мнению, космическая жизнь иерархична. Иерархична, стало быть, и жизнь общественная. В обществе с древних времен идет борьба между космическими и хаотическими началами. Выходит, Н.А. Бердяев освящает установленный порядок, изобличает любые попытки низвергнуть его? Такое представление было бы поверхностным. Философ вовсе не идеализирует иерархию. В истории она нередко задерживала творческое движение, выступала косной силой. Но мыслитель предлагает отделить сам принцип, саму идею от реальной исторической практики, где можно отыскать примеры разного рода, в том числе и такие, которые свидетельствуют о фактическом греховном состоянии общества.

В «Письмах к недругам по социальной философии», названных мыслителем «Философией неравенства» он обращается к запредельному вопросу — иерархичен ли мир вообще или бытие пронизано уравнильством? Доводы Бердяева в пользу иерархичности покоятся на аристократичности духа. С этой позиции он проводит различие между рыцарями духа и чернью. Он безоговорочно за аполлоново начало против дионисийской стихии. Творчество не терпит равенства, оно требует возвышения. Равенство, по мнению Бердяева, истребляет гениальность и святость. Оно одержимо черной завистью к великим и величию. Социальное расслоение — неотъемлемый фактор истории. Отсутствие всяких различий в обществе, однородность его состава — признак не стабильности, а деградации. Однако сразу возникает вопрос — всякое ли общественное разделение можно считать благом для социума? Всегда ли социальное расслоение выводит общество на новый виток прогрессистского развития?

Именно иерархия всегда создавала преграды для разлива хаотической тьмы. Повсюду дух, пробуждающий к высшему сознанию, как подчеркивает

Н.А. Бердяев, вел борьбу с волнами душевного и материального хаоса в жизни народной. Для раскрытия этого противостояния философ пользуется двумя ключевыми понятиями, которые ввел Ф. Ницше в работе «Рождение трагедии из духа музыки». Дионисийское начало — это синоним темных хаотических сил. В разливе дионисийских оргий народ, как подчеркивает Н.А. Бердяев, терзался демонами и искал освобождения от горестного и ограниченного бытия в приобщении к стихийному круговороту природы.

Другое начало — аполлоново — тождественно светлым импульсам. На протяжении всей своей книги Н.А. Бердяев постоянно возвращается к противопоставлению этих двух первоначал. Аполлонова форма призвана ограничить эти дионисовы стихии, чтобы человеческий лик, как выражается философ, мог подняться из тьмы. Дионисизм враждебен всякой иерархии. В своем революционном облике это начало уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы...

Читателю, воспитанному в марксистской традиции, которая считает революции локомотивами истории, трудно воспринять мысль Н.А. Бердяева: «Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла». Эти строчки написаны через год после Октября (именно тогда, как свидетельствует автор, он начал писать книгу).

Спустя несколько десятилетий этот вывод станет общим местом для западной политической философии.

Современные политологи во Франции (Р. Дебре, Ж. Доменак, Ж. Эллюль), исследовав летопись революционных потрясений в Европе, пришли к убеждению: ни одна попытка оседлать историю, катапультироваться в иную ее фазу не увенчалась успехом. Стремление разрушить иерархию, сломать существующий миропорядок всегда приносило неисчислимы жертвы. Окончательные результаты революции всегда оказывались противоположными поставленным целям. Самый впечатляющий пример — Великая французская революция. Просветители, которые готовили этот грандиозный исторический бросок, не могли уяснить, почему царство разума обернулось социальным безумием, желание осчастливить людей — кровавым террором, проповедь свободы и равенства отозвалась стихией авторитарного сознания.

Ж. Эллюль, видный современный мыслитель, в книге «Аутопсия революции» подверг беспощадной диагностике революционные события евро-

пейской истории. Слово «аутопсия» взято им из медицинского лексикона: оно означает вскрытие трупа... Пафос книги, продиктованный названием, не нуждается в истолковании. Революционеры всегда пожинали горькие плоды. Само собой разумеется, что революция дает великий опыт, и, как подчеркивает Н.А. Бердяев, обостряет все основные проблемы социальной философии. Пророчески звучат его слова о том, что те, кто совершает революцию, теряют всякую способность различения и углубления оценок.

Так что же — оставить мир таким, каким он лежит во грехе? Видеть кричащие противоречия общественной жизни и... смириться? Отказаться от всяких попыток улучшить миропорядок? Не хотелось бы, чтобы предубежденный читатель именно так воспринял философию Н.А. Бердяева. Феноменология революции преследует иную цель. Она указывает: чувство любви, порывы творчества, акты созидания никогда не приводят к революциям. История призвана возвращать все человеческое, благодатное, органическое. Всякие разрывы в этой поступательности чреватые потоком хаоса...

Из череды общественно-политических течений Н.А. Бердяев выделяет консерватизм, который канонически отождествляется нами с косностью, рутинной, стародумством и аристократизмом. Н.А. Бердяев ведет нас в глубь этой духовной традиции. Он обращается к забытым пророкам, чье предостережение могло остудить пламенные страсти потрясателей основ. Ж. де Местр оценивал революции как мистический факт. Он считал ее провиденциальной, ниспосланной свыше за грехи прошлого. Т. Карлейль, написавший лучшую историю революции, видел в ней последствия неверия, потери органического центра жизни, наказание за грехи.

Условимся еще раз: в этих рассуждениях нет никакой универсальной апологии власти. Н.А. Бердяев подчеркивает: когда создается революционная ситуация, это означает, что господствующие слои не исполнили своего предназначения. Но если сверху не происходит творческого развития, можно ли приветствовать прорыв тьмы снизу? Народ, по слову философа, попавший в революционную стихию, теряет духовную свободу, он подчиняется роковому закону, становится одержимым и бесноватым.

Спустя десятилетие после выхода первого издания «Философии свободы» Н.А. Бердяев начнет работу над книгой «Истоки и смысл русского коммунизма». Уже отказавшись от проповеднического, полемического тона, философ напишет: «Совершенно

бесплодны рационалистические и моралистические суждения о революции, также как о войне, которая во многом походит на революцию. Революция иррациональная, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда является симптомом нарастания иррациональных сил. И это нужно понимать в двойном смысле: это значит, что старый режим стал совершенно иррациональным и не оправдан более никаким смыслом, и что сама революция осуществляется через расковывание иррациональной народной стихии»⁷.

Но неужели невозможна революция созидательная, осмысленная, творческая? Зачем неотвратимо связывать ее с духом разрушения и тьмы? Исследуя родовые черты всякой революции, Н.А. Бердяев приходит к выводу, что в ней происходит расковывание и сковывание хаотических сил. Слишком часто, по мнению философа, бывает так, что в обществе не обнаруживаются творческих, возрождающих начал. И тогда неизбежен суд над обществом. В этом смысл революции. Но разрыв времени — это малый апокалипсис истории, суд внутри нее. Революция, по мнению Н.А. Бердяева, есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования.

Чтобы уяснить до конца смысл этих предостережений Н.А. Бердяева, важно напомнить о персоналистическом характере его мышления. Личность в его философии не совпадает с эмпирической индивидуальностью. Это средоточие всех духовных и душевных способностей человека, его «внутренний экзистенциальный центр». Державной темой философской мысли в России был человек, его судьба в обществе и истории⁸.

С этих позиций оказывается весьма содержательным еще один аргумент Н.А. Бердяева против революции: в ней нет и не может быть свободы, она всегда враждебна духу свободы. В стихии революции темные волны захлестывают человека. В ней нет места для личности, для индивидуальности, в ней всегда господствуют начала безличные. Образ человека, как подмечает философ, всегда замутнен в революции, затоплен приливами стихийной тьмы низин бытия.

⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁸ См. об этом: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 118.

В своей работе «Смысл творчества» Н.А. Бердяев отмечал, что философы постоянно возвращались к теме сознания, чтобы разгадать тайну о человеке и значит разгадать тайну бытия. Познай самого себя и через это познаешь мир. Все попытки внешнего познания мира, без погружения в глубь человека, давали лишь знание поверхности вещей. Он писал: «Поистине, философия, которая силится отрицать исключительное значение человека в мире и отвергнуть человека как исключительный источник познания тайны и смысла мира, страдает внутренним противоречием и истребляющим ее пороком»⁹.

Развернутое антропологическое учение Н.А. Бердяева позволяет подойти к оценке многих современных мировоззренческих проблем. Какое место занимает в марксизме проблема человека? Некоторые отечественные исследователи полагают, что К. Маркс, особенно ранний, разрабатывал именно антропологическую тему. Но существует и другая точка зрения: намечая общественные преобразования, трирский мыслитель слабо соотносил их с человеческой природой, мало задумывался над глубинными человеческими потребностями. Послушаем Н.А. Бердяева: «Маркс был замечательным социологом, но очень слабым антропологом. Марксизм ставит проблему общества, но не ставит проблему человека, для него человек есть функция общества, техническая функция экономики. Общество есть первофеномен, человек же есть эпифеномен»¹⁰.

Действительно, в учении Маркса можно обнаружить коренную двусмысленность. С одной стороны, его обличение всякого отчуждения, овещствления, дегуманизации. С другой, недостаточно последовательное, недостаточно обостренное внимание к проблемам человеческого бытия, к выявлению глубинных констант человеческого существования. Люди не рождаются равными по своим природным качествам. Человеческое сообщество изначально иерархично... Философия равенства, коль скоро она провозглашена, не может игнорировать этот весьма существенный факт.

Неизменные компоненты природы человека противостоят идеологии равенства. Французские «новые правые», опираясь на этот постулат, выстраивают сегодня весьма последовательную

концепцию культуры. Но послушаем хотя бы наших отечественных ученых. «Равенство невозможно. Если его насадить силой, — пишет академик Н. Амосов, — это счастья людям не прибавит, а прогресс затормозит. Степень всякого неравенства — материального, правового, технологического, культурного — предмет компромисса. Эксплуатация, если она не экономическая, то моральная, будет всегда. Она вытекает из лидерства и неравенства. И всегда будет недовольство на этой почве. Однако это — условие производительного труда, свободы и права»¹¹.

Но разве идея равенства всех людей не служила источником мощного социального движения? Разве не содействовала она рождению демократии, права, провозглашению свобод? Безусловно, лозунг равенства принадлежит к числу идеалов справедливого общества. Но содержание этого лозунга в разные эпохи менялось. Н.А. Бердяев подчеркивает, что либеральная идеология зародилась в умственной атмосфере XVIII в., которая склонна была утверждать естественную гармонию. Провозгласив лозунги свободы и равенства, мыслители той поры действительно не обратили внимания на тот факт, что эти идеалы вовсе не являются однопорядковыми. Напротив, они противоречат друг другу...

Вера в родство этих двух начал подверглась затем жестокому историческому испытанию. Весь XIX в. разбивал иллюзии естественной гармонии. Обнаружилось, что равенство несет с собой опасность самой страшной тирании. Свобода несколько не гарантирует избавления от экономического неравенства. Выявился глубочайший антагонизм между свободой и равенством. Вся политическая и социальная история XIX века — драма противостояния двух начал — свободы и равенства.

Всё, о чем пишет Н.А. Бердяев в своей «Философии неравенства», в нашем столетии оказалось на вооружении современной неоконсервативной традиции. Вот что пишет один из лидеров нынешнего неоконсерватизма в США Р. Низбет: «Основатели американского государства уделяли особое внимание равенству, но равенству в ограниченном смысле, равенству перед законом. В США изначально было обеспечено равенство перед законом, впоследствии идея равенства приобрела дополнительный, вторичный смысл и стали ее интерпретировать еще и как равенство возможностей.

⁹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 293.

¹⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 148.

¹¹ Амосов Николай. Как жить, чтобы выжить // Литературная газета. 1990. 18 июля. С. 42.

Это второе понимание равенства не противоречит равенству перед законом, которое абсолютно необходимо для свободы»¹².

По мнению Р. Низбета, начиная с XVII в. и вплоть примерно до 50-х годов XX в. американцы, мыслившие категориями Джефферсона, имели в виду эти два понимания идеи равенства. Однако в 60-х годах интеллектуалы внедрились, как он полагает, в сознание американцев третью разновидность равенства — «равенства результата или условий». Такое понимание равенства, подчеркивает американский социолог, было впервые выдвинуто Ж.-Ж. Руссо и получило развитие в марксизме. В конце XIX — начале XX в. оно стало быстро распространяться в Европе, откуда было импортировано и в США, где, однако, не пользовалось популярностью.

Неоконсерваторы считают, что равенство условий недостижимо, так как полностью противоречит закону естественного отбора. Те же, кто хотят во что бы то ни стало реализовать этот лозунг, неизбежно продвигаются к тоталитаризму, поскольку приносятся в жертву равенство перед законом. Из всех социальных и моральных ценностей равенство — самый опасный идеал для любого социального порядка. Еще А. Токвиль указывал, что достичь такой степени равенства, которая казалась бы всем справедливой, невозможно. Равенство — союзник политического Левиафана, тоталитарного государства.

О провидении Н.А. Бердяева задумываются сегодня не только неоконсерваторы. Нет такого идейно-политического течения, которое не переосмыслило бы идею равенства. Возникает эта проблема и в нашем обществе. Мы теперь воочию видим, что между свободой и равенством — огромное противоречие, потому что последовательно воплощенная идея свободы разрушает равенство. Если, скажем, мы провозглашаем свободу рыночной стихии, то в ней создаем неравенство. Если мы провозглашаем равенство как универсальное ценностное строение, то тем самым мы ущемляем свободу. Допустим, свободу предпринимателей. Мы пытаемся быть социальными реформаторами, не желая знать, что наши отечественные мыслители, прежде всего Н.А. Бердяев уже доказал никчемность уравнилельских тенденций, все еще определяющих нашу психологию, наше сознание...

«Дух небытия двигает нами, — окликает нас через десятилетия Н.А. Бердяев, — это он внушил вам ваши эгалитарные идеи и страсти»¹³. Разрушение всякого иерархизма — это в то же самое время, по мысли философа, разрушение личности. Лишь в иерархии возможны разнокачественные индивидуальности. Личность не исчерпывает самое себя. Ее уникальность, самобытность определяется тем, что она соотносит себя с другими. Горькая правда в словах Н.А. Бердяева, который полагал, что мы создаем равенство небытия...

Бытие личности, по мнению Бердяева, предполагает различия и дистанции, формы и границы. Оно не терпит хаотического смешения, устранения всех граней. В личности — начало качественное... Духовность аристократична. Личность, по словам Н.А. Бердяева, есть онтологическая реальность. Она входит в иерархию бытийственных сущностей. Личность предполагает, что есть и другие личности, которые выше и глубже ее. Она связана с универсализмом, а не с индивидуализмом.

Каждая личность — зона уникального культурного творчества. Но наше общество, прошедшее через опыт тоталитаризма, привыкло относиться к людям, если воспользоваться словом Н.А. Бердяева, атомистически. В нашей стране происходило гигантское стирание индивидуальностей. Нивелировался дух, усреднялись стремления, побуждения, страсти. Гигантский каток прошелся по душам людей. Отсюда исходил зловещий холодок небытия...

На долю людей выпадает разная судьба, — отмечает Н.А. Бердяев, — порой полная страданий и слез, именно потому, что человек разностное, глубоко индивидуальное существо. Человека нужно брать конкретно, а не отвлеченно, со всей его неповторимой историей, эмпирической и метафизической, во всех его органических мировых связях. Для человека конкретного и неповторимо-индивидуального имеет значение его связь с предками, с родиной, с историей. Вспомним, следуя за этой мыслью философа, как жестоко разрушал «вождь всех времен» кровнородственные и духовные связи. Он изо всех сил стремился к созданию бесструктурной, атомизированной массы людей, которой так легко манипулировать.

Ваш безличный коллектив, лишенный души, оторванный от онтологической основы, несет с собою смерть всякому личному бытию, — возвещал Н.А. Бердяев. Мы сегодня с горечью признаем: на

¹² Nizbet R. Three values and their modern perversion // The St. Croix review. Stillwater (Minn.). 1978. N J. P. 23-24.

¹³ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. Письмо 1. О русской революции. С. 43.

почве безликого уравнильства возвышаются ничтожества, недочеловеки, агрессивные посредственности. Скорбим и о том, как мало у нас лидеров, ярких индивидуальностей... Но истребление человека, через которое мы прошли, и не могло вызвать другие следствия.

Поистине всякий творческий порыв в личности, подмечает Н.А. Бердяев, — есть устремление к неравенству, нарушение равенства, возвышение. Упростибельное смешение общества, напротив, связано с отцветанием личности, с обезличиванием, с угасанием творческих и ярких индивидуальностей. Афористический, духовно спрессованный стиль Н.А. Бердяева завораживает. Прочитируем: «Индивидуальность, личность человеческая не дана изначально в природном и историческом мире, она в потенциальном состоянии дремлет в хаотической тьме, в зверином равенстве и освобождается, поднимается и развивается путем трагической истории, путем жертв и борьбы, через величайшие неравенства и разделения, через государства и культуры с их иерархическим строем и принудительной дисциплиной»¹⁴.

Философ призывает к повиновению власти?! Что это запоздалый монархический синдром? Тотальный призыв к законопослушанию и лояльности? Универсальная идеализация государства? Нет, Н.А. Бердяев далек от безоговорочного прославления любой власти. Он лишь подчеркивает, что во всякой власти есть гипноз, иногда священный, иногда демонический. Никакие рассудочные мотивы, разъясняет философ, не могут заставить массы подчиниться государству и нести жертвы ради него. Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти, но немедленно же попадает под воздействие той же магии...

Нам, вступившим на путь демократического переустройства нашего общества, особенно важны те предостережения, которые касаются вопросов народовластия. По мнению Н.А. Бердяева, донныне и во всех демократиях сохранялось иерархическое начало. Последовательной демократии, низвергающей всякий иерархизм, никогда не было и быть не может. Такая предельная демократия и есть анархизм. Она возможна лишь как кратковременное переходное состояние, после которого вновь образуется власть через дифференциацию и неравенство, через восстановление иерархического начала, хотя бы и в совершенно новых формах.

Наша собственная современная жизнь, возрождающаяся после тоталитарного гнета, авторитарных оков, сталкивается со множеством парадоксов. Почему, например, альтернативные движения, выступающие против диктата власти, едва возникнув, тут же порождают в себе уже знакомые нам политические структуры? Внутри самых радикальных течений обнаруживается жесткая иерархичность? Дает знать о себе нетерпимость к инакомыслию, духовный диктат. Господи, за что же боролись? Неужели только ради смены лидеров? Или, может быть, мы все еще не можем выломиться из въевшегося в души авторитаризма?

У нас возможность запустить в дело демократические механизмы — безусловное благо. Но не случайно Н.А. Бердяев рассматривает демократию как человекообожествление. Народная воля и в самом деле может быть направлена и на зло. Стало быть, признание ее верховным началом общественной жизни может быть лишь обоготворением человеческого произвола. В отвлеченной идее демократии, по справедливому мнению философа, есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к духовному их уровню.

Всеуравнивающая демократическая эпоха человеческой истории есть понижение качественного, ценностного содержания жизни, понижение типа человека. Вера в верховенство демократической идеи вообще переживает кризис. Н.А. Бердяев ссылается на парламентский опыт Запада. За 90 лет, истекшие после написания «Философии неравенства», многое переменялось. Разумеется, сама идея демократии не подверглась радикальной переоценке, но границы ее осознаются многими мыслителями. Мы могли бы сказать об этом словами Н.А. Бердяева: чистая, отвлеченная, самодержавная демократия есть самая страшная тирания, она убивает человека.

Н.А. Бердяев оценивает анархизм как одно из вековых устремлений, с давних пор проявляющихся в человеческом обществе. По его мнению, анархизм столь же характерное порождение русского духа, как и нигилизм, и народничество. Это один из полюсов в душевной структуре русского характера. «Элемент анархический, — пишет он в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», очень силен и в русской мысли XIX в. Вся русская интеллигенция не любила государства и не считала его своим. Государство — это были «они», чужие, «мы» же жили в ином плане, чуждом всякому государству»¹⁵.

¹⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. Письмо 2. О религиозно-общественных основах общественности. С. 72.

¹⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 54.

Философ сравнивает социализм и анархизм и приходит к убеждению, что если первый доходит до небытия в своей жажде равенства, то второй достигает той же цели в своем устремлении к свободе. Последовательный анархизм, по слову Н.А. Бердяева, не признает никаких достижений в долгом историческом пути человечества. Он хочет восстановить естественного человека, свободного от всех связей, от всех воспоминаний истории.

Н.А. Бердяев убежден в том, что анархизм внутренне скрыт и в анархизме, и в радикализме, и в демократизме, и в социализме. Нам, современникам, вкусившим внешне привлекательные плоды популистской идеологии, понятна мысль философа о том, что в анархизме есть какой-то предельный соблазн. Преодолев его, подчеркивает философ, человечество окончательно выйдет к истинной жизни.

Уже отмечалось, что «Философия неравенства» — своеобразная энциклопедия социальной философии. Читатель найдет в этой книге обширный материал для размышлений, для обобщающей оценки тех исканий, через которые прошла западноевропейская и русская мысль. Хотелось бы, однако, остановиться на двух последних письмах Н.А. Бердяева, посвященных церкви и культуре. В них обнаруживается мощная смысловая кода бердяевского мировоззрения.

Философ следует традиционному разделению культуры и цивилизации, которое укоренилось в европейской мысли. Он предостерегает против тех опасностей, которые содействуют перерождению культуры в цивилизацию. Культура, отмечает философ, родилась из культа. Истоки ее сакральны. Вокруг храма зачалась она и всегда была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура символична в самой своей природе.

Что касается цивилизации, то ее происхождение — мирское. Она, по мнению Н.А. Бердяева, родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. В отличие от культуры цивилизация дорожит недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Все быстротечно в современной цивилизации.

Трудно найти в современной литературе столь последовательное и глубокое разведение двух близких понятий — культуры и цивилизации. Но Н.А. Бердяев не просто противопоставляет их. Он раскрывает особенности нынешнего кризиса культуры. Философ усматривает его в напряженном искании

нового бытия. По словам Н.А. Бердяева, кризис этот есть острое переживание внутренней несоизмеримости между культурой и бытием, между культурой и творчеством. Автор «Философии неравенства» рассматривает культуру как неотвратимый путь человека и человечества. Словно предостерегая от практики «культурной революции», направленной лишь на демократизацию культуры, на растекание ее в массы, Н.А. Бердяев подчеркивает, что судьбы культуры не могут быть осознаны в той усредненности, где живет масса не только некультурных людей, но и культурных. Предназначенность ее раскрывается лишь в пределах и концах культуры, лишь на вершинах творческих достижений.

Русский философ приписывает сторонникам эгалитаризма, сегодня можно адресовать новой земной аристократии. Разве не приверженцы новой сословности стали сегодня гасителями человеческого духа? Ведь именно нынешние представители верхов истребляют гениальность и святость. Дух порока тащит одного из них к скандальному соитию с гостиничной служанкой. Шлейф украденных богатств тянется за недавними премьерами и президентами. Аристократия наших дней не духовна по определению, ибо она — порождение потребительского общества. Похоть власти растлевает. Экономическая конкуренция обретает единственный вектор — удушение соперников. Физическое устранение оппозиционеров нередко становится государственным промыслом.

Бердяев писал о «передовых» людях века, которые выпали из божественного миропорядка. Обманчивый социальный покров бытия подменил у них само бытие. Продолжая размышления русского философа, можно говорить о нынешних аристократах, которые захотели общественно устроиться на земле, отвернувшись от божественного миропорядка. Разве они боятся божьего суда, совершая преступления, чтобы упрочить и сохранить собственную власть, дающую все земные наслаждения. Бердяев называл безумным и нечестивым желание создать блаженную социальность в мире, который лежит во зле.

Запомнилась актуальная мысль Бердяева: «Вы не ищите смысла жизни. Вы ищите лишь благ жизни». Космическая жизнь иерархична. Да, иерархична и жизнь общества, поскольку есть в ней космический лад и не разорвана связь с космосом. Но русский философ как раз и предупреждал о том, что иерархическое начало может вырождаться. Оно может породить самые ужасные злоупотребления. Люди успеха сегодня — это дельцы. Не имеет значения

речь идет о политике, спортсмене или телевизионной диве. В сфере их деятельности царят другие законы, иные правила игры.

Н.А. Бердяев — религиозный мыслитель. Это ощущается на протяжении всей книги, в ее предваряющем слове прежде всего. Но особенно четко религиозно-онтологические основы философии автора просматриваются в заключительном письме. Он отмечает, что утопия социального рая на земле — одна из наиболее антихристовых обманов. Безбрежная социальная мечтательность душ разрыхленных, потерявших дисциплину самоограничения, оторвавшихся от духовного центра жизни — благоприятная почва для антихристовых соблазнов.

Пафос книги Н.А. Бердяева — созидательный, творческий, а не разрушительный, нигилистический. Он предостерегает нас от социального утопизма, от скороспелых прожектов тотального переустройства жизни. Философ напоминает о глубинных истоках бытия, которые определяют жизнь человека и человечества.

Для человеческого общества на всех этапах его развития было характерно социальное расслоение. По словам Бердяева, неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Социальное расслоение на протяжении всей разумной истории человечества служило импульсом для смены общественного устройства. Оно закреплялось в кастах, рабстве, сословиях и классах. Но таких темпов социальной динамики, которые характерны для нашего времени, история не знала. В общественной практике наших дней ожили и видоизменились все виды социальной стратификации. Воскресло утонченное рабство, принудительная кастовость, непритязательная сословность, диктат классовых различий, вульгарная клановость. Это и подметил в недавнем куплете Игорь Губерман:

Бурлит не хаотически тусовка:
незримая случайным попрошайкам,
активно протекает расфасовка
по гильдиям, сословиям и шайкам.

Преобразились в наши дни и критерии неравенства. Они многолики. В традиционных обществах они поддерживались силой, ловкостью, трудолюбием. Разделение людей формировалось также политикой, кастовостью. Наша социальная теория продолжает видеть истоки неравенства в экономических факторах, в тех исторически конкретных

формах отношения к собственности, которые обеспечивают социальную динамику. Между тем социальная дифференциация не сводится к этим предпосылкам. Макс Вебер расширил перечень критериев, которые определяют социальное расслоение. Он включил в него отношение к власти и социальный престиж. Под «статусной ситуацией» Вебер понимал любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован специфическим, позитивным или негативным социальным оцениванием почести. Питирим Сорокин узаконил в социологии также политическую и профессиональную дифференциацию. Американский социолог Талкотт Парсонс подчеркивал, что социальная иерархичность обусловлена господствующими в обществе культурными стандартами и ценностями. На самом деле социальное распыление является результатом сложной сети переплетающихся факторов. Социологи выделяют разные измерения стратификации: по признаку пола, возраста, расы, имущественного положения, образования.

Неравенство отражает политическую, экономическую, культурно-нормативную структуру общества. Ни один социум в прошлом не породил маргинальность в таких масштабах, как сегодня. Именно эти слои населения, так называемые жертвы прогресса, оказываются в наши дни носителями идеи справедливости. Они в свою очередь выражают угрозу для стабильности общества. Захваченные реформаторским пылом, наши правители не видят этой угрозы. Меняется человеческое и общественное бытие. В новом социальном пространстве время как бы ускоряет свой бег. Процессы социального взаимодействия интенсифицируются, приобретают невиданную ранее динамику. Именно поэтому огромную роль могут сыграть сегодня остережения социальной философии.

Социальная ткань зачастую податлива, но ее стремительные преобразования опасны. Тем более что современная социальная дистанция между людьми не имеет бытийственного оправдания. В сознании миллионов людей возникает сегодня законная мысль: кто и почему оказывается сегодня хозяином жизни? Почему новые дворяне так убеждены в своем праве превращать в холопов других людей? Сам факт социального неравенства не является оправданием существующих форм господства и подчинения. Эксперты подчеркивают, что в России сегодня возрождается сословность. Она имеет специфические черты, сближающие ее с номенклатурной клановостью. Стратификационное поле в современной России отличается крайней противоречивостью.

Для нашего государства сегодня характерны особые формы диверсификации и индивидуализации жизненных стилей. В мире заметна параноидальная идея превратить человека в постчеловека, в киборга, кибернавта, дать возможность этому постчеловеку испытать все виды блаженства, начиная от смены

пола и заканчивая сексуальными изысками. С той же сумасшедшей мнется социальная ткань, рождая для номенклатуры все новые и новые привилегии. Поиски все новых и новых путей отчуждения простого люда от привилегированных элит может привести к грозным и непредвиденным последствиям.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Философия и свободы. Смысл творчества. М., 1999.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
4. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012.
5. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
6. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.
7. Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск. М., 1991. Ч. 1-2.
8. Гуревич П.С. Философское толкование человека. М., 2011.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Filosofiya i svobody. Smysl tvorchestva. M., 1999.
2. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M., 1990.
3. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii. M., 1990.
4. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. M., 2012.
5. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka. M., 1993.
6. Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya. M., 1995.
7. N.A. Berdyaev o russkoy filosofii. Sverdlovsk. M., 1991. Ch. 1-2.
8. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie cheloveka. M., 2011.